

А. Н. Чистиков

(д. и. н., заведующий отделом
современной истории России,
Санкт-Петербургский институт истории РАН,
tchistikov@yandex.ru)

«МЫ ЖИВЕМ В ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ...» ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ СБОРА МАТЕРИАЛА О БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА В 1941–1942 ГГ.

В статье на основе опубликованных и неопубликованных документов анализируются первые попытки сбора материалов по истории блокированного Ленинграда в 1941–1942 гг. Автор приходит к выводу, что осенью 1941 — весной 1942 г. эти предложения культурной, научной интеллигенции, районных партработников не были иницированы городским руководством. Из-за общей тяжелой ситуации в городе планы не удалось реализовать. Весной 1942 г. начинается новый этап, характерной чертой которого стала организация сети комиссий разного уровня. В своей деятельности комиссии опирались на райкомы партии и работали под руководством Ленинградского института истории ВКП(б).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинград, блокада.

21 ноября 1941 г. «Ленинградская правда» опубликовала заметку о подготовке книги «День осажденного Ленинграда». «В один из ближайших обычных трудовых дней города, — говорилось в сообщении, — ленинградские писатели и журналисты займут свою вахту в цехах заводов, на крышах домов, в трамваях и на железных дорогах, в банях и бомбоубежищах, в театрах и почтовых отделениях, чтобы запечатлеть многообразную суровую и напряженную жизнь» [6]. Книгу предполагалось наполнить фотографиями, а выпускать ее собиралось издательство «Советский писатель».

Через пять дней в Кировском райкоме партии состоялось совещание аппарата, которое первый секретарь райкома В. С. Ефремов начал со слов: «Товарищи, мы живем в такое время, когда события

меняются с чрезвычайной быстротой, живем в эпоху, которую в свое время будут изучать историки...» «Вполне естественно, — продолжал он, — что историки будут искать всякий материал для того, чтобы понять <...> как это можно было в городе Ленинграде в такой тяжелый период своими ресурсами обороняться в течение такого долгого времени <...> понять, как это в четырех километрах от противника можно было работать, производить материальные ценности, изобретать и т.д., и т.д., и проводить сегодня совещание и думать об истории» [11, л. 2]. Помочь историкам, по мнению первого секретаря, можно двумя способами. Первый — «создать комиссию, пригласить разных писателей, которые бы описывали все, что происходит? — и партийная мобилизация на фронт, и добровольческое движение, партизаны, строительство укреплений и т.д. Можно создать такую комиссию, которая фотографировала строительство сооружений и т.д.» [11, л. 3]. Как видим, здесь есть перекличка с заметкой из «Ленинградской правды». Возможно, идея комиссии в переработанном виде была оттуда и заимствована. Второй способ — завести дневник работника райкома, в который каждый сотрудник заносил бы то, что ему представляется нужным и интересным. Впрочем, как вариант В. С. Ефремов рассматривал ведение общего дневника на основе индивидуальных дневников работников райкома. Обсуждение предложения первого секретаря затянулось — стенограмма заняла 18 машинописных страниц. Мнения о значении дневников разделились, но в итоге собравшиеся одобрили предложение В. С. Ефремова о создании комиссии под председательством «товарища Протопопова», в которую вошли представители райкома и райисполкома, и согласились произвести первую запись «сегодня вечером» [11, л. 17, 19].

Итак, в течение последней декады ноября в двух совершенно различных организациях возникает одна и та же мысль — сбор материала о жизни и обороне блокированного города. Напрашивается вопрос: были ли связаны эти события между собой каким-то общим решением, исходящим из вышестоящих кругов?

Обращение к воспоминаниям ленинградского писателя Л. Рахманова говорит о том, что это было простое совпадение во времени. Л. Рахманов еще в октябре 1941 г. вместе с писателями Е. Рыс-

сом и В. Орловым предложил коллегам написать книгу «Один день осажденного города». Этот документально-художественный репортаж был навеян идеей М. Горького, воплощенной в коллективном труде «День мира» [8, с. 368–369], вышедшем в 1935 г. Секретарь Ленинградского отделения Союза советских писателей В. Кетлинская, как пишет Л. Рахманов, «пустила в ход всю свою незаурядную энергию, пытаясь доказать вышестоящим инстанциям необходимость скорее начать работу над книгой» [8, с. 370]. Но согласие было получено, по словам писателя, лишь через несколько месяцев. Видимо, здесь Рахманова подвела память: публикация в партийно-советском печатном органе Ленинграда не могла появиться без одобрения властных структур. Тем не менее работа над книгой даже не началась. Л. Рахманов, писавший воспоминания в советское время, осторожно формулирует причину: «Жизнь в эти месяцы в Ленинграде во многих отношениях как бы замерла, замерзла...» [8, с. 370]. Другими словами, это было начало того периода в истории военного Ленинграда, который позднее прозвали «смертным временем». Книга получилась бы не столько героической, сколько трагической, а это вряд ли способствовало бы поднятию морального духа горожан.

Скорее всего, не получила развития задумка и с райкомовским дневником. В изученных нами архивных делах и описях он не упоминается, равно как и в литературе. Все же некоторая работа, пусть не в форме дневника, в районе проводилась. В декабре 1943 г. на совещании районных комиссий по сбору материалов о войне председатель комиссии из Кировского района И. М. Попов сказал, что накопление материалов о восстановлении Кировского завода и города и фотодокументов о Кировском районе началось уже в 1941 г. [4, с. 258]. В данном случае вопрос о предварительной цензуре материалов, вероятно, не стоял, поскольку они не предназначались для немедленного опубликования.

Не остались в стороне от аналогичной работы и академические ученые. В конце января 1942 г. заведующий Ленинградским отделением Института истории АН СССР М. В. Левченко и ученый секретарь Е. И. Бочкарева обратились с письмом к Г. Ф. Александрову — председателю Комиссии по составлению хроники обороны Москвы, с «горячей просьбой» привлечь сотрудников ЛОИИ к работе

Комиссии «особенно в части разработки истории Ленинграда в Великой Отечественной войне» [1, с. 220–221]. Однако их предложение не заинтересовало москвичей. Возможно, одной из причин стало то, что М. В. Левченко, Е. И. Бочкарева и многие из названных ими в письме потенциальных авторов находились в эвакуации и вряд ли могли не только написать историю военного Ленинграда, но даже собрать необходимый для этого материал.

Тем не менее академические ученые не собирались расставаться с этой идеей. Обсуждая в начале марта 1942 г. необходимость создания ученых советов в академических институтах, Комиссия по делам ленинградских академических учреждений решила внести в Ленинградский городской совет депутатов трудящихся предложение о создании при нем историографической комиссии из академических ученых для участия в «разработке истории II Отечественной войны» [2, с. 557]. Примерно через три недели секретарь горкома партии Я. Ф. Капустин получил письмо за подписью председателя Комиссии академика И. Ю. Крачковского, профессора С. И. Ковалева и ученого секретаря А. И. Болтуновой. Высказанная ранее учеными идея о подготовке исторического труда была здесь конкретизирована. Указав на то, что в Институте истории, Институте истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, Институте востоковедения и Институте литературы «уцелело от распыления большое количество высококвалифицированных историков различных специальностей», авторы письма просили горком партии, исполком Ленсовета и Военный совет Ленинградского фронта «поставить на обсуждение вопрос о целесообразности и своевременности организации общегородской комиссии по собиранию и предварительной обработке материалов по истории борьбы Ленинграда с бандами гитлеровских захватчиков». Обосновывая свое предложение, ученые писали: «Полная история великой освободительной войны, конечно, будет написана не сейчас и не сразу. Для этого нужны годы кропотливого собирания документального материала, его критической проверки и литературного оформления, но начинать эту работу необходимо сейчас же, немедленно, руками современников и участников войны, ибо только это гарантирует полноту и ценность собираемого материала» [5, с. 521].

Здесь очевидное сходство с задачами Комиссии Г. Ф. Александрова, которая была образована для собирания источников по истории обороны Москвы [1, с. 222]. К этому времени информация о московской Комиссии уже дошла и до Ленинграда.

Предложение И. Ю. Крачковского Я. Ф. Капустин переадресовал секретарю горкома партии по пропаганде и агитации Н. Д. Шумилу, который на письме сделал следующую помету: «Этот вопрос нами готовится на бюро ГК». В комментариях к этому документу, опубликованному в середине 1990-х гг. в сборнике «Ленинград в осаде», а затем в статье, посвященной созданию общегородской комиссии по сбору материалов для истории обороны Ленинграда, историк А. Р. Дзенiskeвич отметил, что вопрос на бюро весной обсуждать не стали, поскольку надо было бороться с последствиями страшного голода, готовить летнюю эвакуацию, завершать превращение Ленинграда в военный город [3, с. 133].

Вероятно, примерно в одно время с учеными с новой инициативой сохранения памяти о войне и блокаде выступили ленинградские писатели. В Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.) в фонде В. Кетлинской отложилась трехстраничная машинописная статья под названием «Осажденные города не сдаются» [14, л. 121–123]. Она не подписана и не датирована, но по упоминанию в тексте «семимесячной обороны города» ее можно отнести к марту 1942 г. Речь в статье идет о подготовке ленинградскими писателями книги о героической обороне городов от древности до наших дней: от Трои до Мадрида и Ленинграда. В заключительной главе авторы должны были «показать великий город, находящийся в непосредственной близости к месту боев и принимающий в этих боях непосредственное участие». Этой задачей определялся выбор объектов и действий: театр и штаб ПВО, детские ясли и строительство баррикад, занятия школьников в бомбоубежищах и работа научных учреждений, дежурства в домоуправлениях и борьба с ракетчиками, столовые и магазины... Сюжетное совпадение с несостоявшейся книгой «День осажденного Ленинграда» не удивительно, поскольку с большой долей вероятности можно утверждать, что либо авторы идеи были те же, либо она легла в основу нового проекта.

Видимо, судьба этого произведения подобна первому: сборник также не был издан.

Примечательно, что интерес к сбору и фиксации материала о жизни и деятельности блокированного города вновь возникает в разных учреждениях, и здесь, безусловно, не стоит искать общую документальную основу. Скорее это можно объяснить осознанием важности пережитого и потребностью сохранить пережитое для потомков. Март 1942 г. — еще «смертное время», но уже конец его.

Попытки ленинградских писателей, партийных работников, ученых осенью 1941 — весной 1942 г. получить поддержку у местных властей для сбора материалов и подготовки сборников и иных трудов по истории блокированного Ленинграда по разным причинам не увенчались успехом. Тем не менее весна 1942 г. стала точкой отсчета нового этапа, оказавшегося более эффективным, чем прежний.

В одном из архивных дел фонда 4000 ЦГАИПД СПб. сохранилось несколько писем Ленинградского института истории ВКП(б), датированных началом апреля 1942 г. и адресованных различным организациям: ряду райкомов партии, Лениздату, о предоставлении материалов, связанных с жизнью города в военное время. Суть этой просьбы раскрывается в письме военного отдела Ленгоркома партии в военный отдел Василеостровского райкома ВКП(б), в котором предлагалось «весь материал, характеризующий работу отдела в период Отечественной войны, выделять для Ленинградского института истории ВКП(б) по одному экземпляру. Вышеуказанные материалы нужны для создания летописи событий “Ленинград в Отечественной войне”. Сбор материалов и написание летописи горком партии поручил Ленинградскому институту истории ВКП(б)» [12, л. 5], сотрудники которого уже имели подобный опыт при подготовке трудов по истории революции 1917 г. Таким образом, не вынося вопрос на бюро, горком тем не менее оценил необходимость и важность такой работы. Трудно сказать, чем он руководствовался в данном случае. Возможно, письмо И. Ю. Крачковского сыграло свою роль. Но предпочтительнее другое предположение: либо по распоряжению из Москвы (какого органа, неиз-

вестно), либо по собственному почину ленинградские партийные работники взяли за основу деятельность московской комиссии Г. Ф. Александрова.

В июне 1942 г. сотрудники Института истории партии получили более конкретное задание: создать «Хронику обороны Ленинграда» и сборник документов, но первой задачей оставался сбор материалов и документов. К августу 1942 г. было собрано 8000 экземпляров, главным образом печатной продукции, и определена методика составления хроники [4, с. 257].

Летом же появились районные комиссии для сбора материалов по истории войны. Одним из первых к работе приступил Кировский район. О создании комиссии при райкоме партии его работники объявили 13 июля на совещании политорганизаторов домохозяйств района. Комиссия выделила из своего состава рабочую группу, а на ряде предприятий и в учреждениях стали создаваться подкомиссии. Ленинградский институт истории назначил в каждый район своего сотрудника в качестве уполномоченного «по собиранию материала» [10, л. 19]. На базе же института предполагалось создать городскую комиссию. Привычная вертикальная структура позволяла охватить районные организации как по профессиональному признаку, так и (через домохозяйства) по территориальному.

«Что нам нужно в первую очередь? — ставил перед политорганизаторами вопрос научный сотрудник Института истории ВКП(б) Шариков. — Нужно собирать, накапливать материал, обобщать его. Мы должны сохранить и отчетный материал, и многотиражки, газетный материал, стенгазеты, листовки, протоколы, резолюции, плакаты, письма, дневники и т. д. и т. п.». Наряду с официальными документами историческую ценность представляли и воспоминания о недавнем времени, «когда все образы и картины живут в памяти людей», ибо такие рассказы «будут иметь меньше вымысла, так называемой “отсебятины”, будут более объективными и живыми» [10, л. 21]. Разнообразие видов исторических источников позволяло не ограничиваться хроникой, а приступить в перспективе к подготовке целого комплекса научных трудов по истории Ленинграда военных лет.

В конце лета — начале осени подобные комиссии появились как минимум еще в двух районах города. В Красногвардейском районе, помимо комиссии при райкоме ВКП(б), на предприятиях были созданы тройки, которые приступили к сбору материала о мобилизации, народном ополчении, строительстве оборонительных сооружений, шефстве над госпиталями и т.д. [7]. Члены комиссии в Петроградском районе взяли на себя собирание письменных источников в партийной, советской, научной, образовательной сферах, разработали подробные вопросники, касающиеся деятельности больниц, научных учреждений и вузов, мобилизации населения на оборону города [9, л. 1–4, 6–6 об., 9]. Не имея на первых порах подробных рекомендаций рабочей группы Института истории партии, ряд районных советских и партийных руководителей самостоятельно определял тематику и искал формы работы по сбору материалов. Однако не во всех районах дело сразу пошло энергично. 22 декабря 1942 г. на совещании в Институте истории ВКП(б) отмечалось, что из 15 городских районов только в пяти приступили к накоплению документов. Собравшимся были розданы «памятка, классификация, инструкция по сбору материалов» [13, л. 13 об.], что должно было упорядочить и унифицировать работу.

Часть инструктивных материалов сотрудники Института истории партии еще осенью 1942 г. опробовали при стенографировании первых бесед с жителями блокированного города. Были записаны, в частности, рассказы доцента З. В. Оглоблиной и профессора Ю. М. Гефтер из Первого медицинского института, П. С. Сергеева, рабочего завода им. Калинина, сотрудников эвакуационного пункта Кобона-Лаврово.

В первые несколько месяцев после установления блокады Ленинграда в среде культурной и научной интеллигенции, среди районных партийных работников не раз возникали идеи о сборе материалов и подготовке литературных трудов по истории военного города. Возникшее без участия городского партийного и советского руководства, это стремление зафиксировать жизнь города в «смертное время» свидетельствовало об уверенности его инициаторов в победе. Планам не суждено было сбыться ни осенью 1941 г., ни весной 1942 г., прежде всего из-за общей тяжелой ситуа-

ции в Ленинграде. Тем не менее весной 1942 г. начинается новый этап, характерной чертой которого стала организация сети комиссий разного уровня с опорой на райкомы партии и под методическим руководством Ленинградского института истории ВКП(б). Их деятельность по накоплению документов о жизни блокированного (военного) города, начавшаяся летом 1942 г., заметно активизировалась с апреля 1943 г. после совместного постановления бюро обкома и горкома партии о сборе материалов и составлении хроники «Ленинград и Ленинградская область в Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков» и завершилась во второй половине 1940-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архангородская Н. С., Курносков А. А.* О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива (К 40-летию со дня образования) // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 219–229.
2. *Баженова Н. М.* Комиссия по делам ленинградских академических учреждений (конец августа 1941 г. — 10 апреля 1942 г.) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках. Исторические очерки. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 530–570.
3. *Дзенискевич А. Р.* О создании общегородской комиссии по сбору материалов для истории обороны Ленинграда // Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Наука, 1995. С. 129–139.
4. *Лебедева Н. Б.* Сотрудницы Ленинградского института истории партии и партархива в годы войны // Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1944 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006.
5. Ленинград в осаде. СПб.: Лики России, 1995.
6. Ленинградская правда. 1941. 21 ноября.
7. Ленинградская правда. 1942. 30 июля.
8. *Рахманов Л.* Люди — народ интересный. Автобиографическая повесть. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1981. 495 с.
9. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб.). Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 1054.
10. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 10. Д. 324.

11. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-417. Оп. 3. Д. 72.
12. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 1. Д. 129.
13. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 11. Д. 124. Л. 13 об.
14. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 213.

A. N. CHISTIKOV

(St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
tchistikov@yandex.ru)

“WE ARE LIVING IN INTERESTING TIME...”:

THE FIRST ATTEMPTS IN COLLECTING
OF LENINGRAD’S SIEGE DOCUMENTS IN 1941–1942

Drawing on published and unpublished documents the author analyzes the first attempts in collecting of Leningrad’s siege documents in 1941–1942. The author concludes that the city administration didn’t initiate these proposals of the cultural, scientific intellectuals, regional partrabotnik in the fall of 1941 – spring of 1942. The plans didn’t manage to be implemented owing to the difficult situation in Leningrad. The new stage which characteristic feature was an organization of network of the commissions of different level begins spring of 1942. The commissions leaned on district committees of party and the Leningrad institute of history of the All-Union Communist Party (bolsheviks).

Key words: Great Patriotic War, Leningrad, blockade.